

ЩУКИНЫЕ ДЕТИ

Вер. Москва - 1992 - 17 окт.

ВЕЛИКИЙ актер Михаил Чехов однажды чуть не задушил насмерть великого режиссера Евгения Вахтангова. Не в событиях: дело в том, что Вахтангов был обезьянкой...

Это не бред. Это гении так развлекаются на гастролях. Начали с того, что выдумали себе игру - «Ученая обезьяна»: один, исполняющий роль благородного животного, должен выполнять все желания другого, естественно, молча и по-обезьянски. Попробовали -- понравилось, вжились в образ - ну вот и чуть было не доигрались до смертоубийства! Зато душу отвели!

РАНО или поздно у любого гениального начинания появляются последователи, что и случилось в нынешнем году в знаменитом Щукинском театральном училище, носящем имя первого исполнителя неординарной зоологической роли. Так что, когда В. Этущ на церемонии посвящения в студенты заявил, что выпуск в этом году в училище не было, он не собирался пугать первокурсников. Весь выпускной четвертый курс остался в «Щуке» в качестве нового самостоятельного театра, и имя ему — «Ученая обезьяна». Правда, в молодняке предводительствует одна вполне взрослая ученица особы, а именно художественный руководитель (бывший художественный руководитель курса) актер Театра сатиры Юрий Михайлович Авашаров.

— Не слишком ли сомнительная реклама для училища — взять да и заявить, что вместо актеров получился целый курс ученических обезьян?

— Нормально: Наша профессия есть обезьянничание.

Были сначала варианты названий с очень крутой претензией -- например, «Преображение». Но, по-моему, все эти «преобразования», «откровения» -- это ужасно! А с «Обезьянкой» все просто, да и не слишком. Имена Чехова и Вахтангова для нас очень многое значат. Они, конечно, и пошутиут умели талантливо, но вообще этому названию можно придумать много толкований -- мне оно потому и кажется удачным.

— Все-таки откуда такое единодущие на одном курсе?

— Бог его знает. Меня самого это вот уже три года удивляет, и обнадеживает. Тут даже дело не в отдельных талантах, а в каком-то общем внутреннем потенциале всего курса. Я знал, что они еще на втором курсе начали что-то такое самостоятельно творить. В конце года студенты нам показали нечто на 20 минут; нечто такое, что нас просто убило — кафедра аплодировала стоя! Потом из этого вырос спектакль «Город мышей». На него и сейчас ломятся. Самое интересное, что все возникало «из ничего» — без сценария, эдакая глашающая задумка, которую не хочется расшифровывать. И главное -- это не просто прекрасная режиссура одного студента Эдика Редзюкевича, это общий, «на равных», адский труд.

— Но при этом художественным руководителем театра все же стали вы.

— Завели. А на самом деле, мы хотим эту убогую систему «театра одного режиссера» сломать. Невольная диктатура художественного руководителя с его «особой манерой», которая душит другие индивидуальности — это беда. В театре должно быть только одно единство — единство многообразия. Мы придумали такую штуку — коллегию из пяти человек, каждый из которых в течение года исполняет обя-

занности художественного руководителя. И кроме того, неизмеримо больше должно зависеть от актера.

— А не слишком быстро мы были хорошие «старое»?

— В понятие «новое» вовсе не обязательно вкладывать разрушительный смысл. Сейчас, если что-нибудь «свободно» создают — непременно какую-нибудь гнусь натворят. Я потому и в восторге от своих ребят, что их чутье увело в другую сторону. Люди приходят на наши спектакли, как в заповедник: «Мы здесь дышим чистым воздухом». Хотя репертуар у нас неоднозначный — от Шекспира до Хармса.

— И что входит в «неоднозначный репертуар»?

— «Белая гвардия» — Булгакова, Шекспировский «Генрих IV», «Три сестры» Чехова... Я еще собираюсь перенести в «Обезьяну» нескольких своих очень талантливых учеников. Мы рассчитываем, что скоро будет своя сцена — спонсоры, по крайней мере, обещают.

— Московские театры сейчас практика ругаться...

— Да Бог с ним! Кризис — нормальное явление. Время сейчас на редкость интересное. Но бывает все — и тяжко бывает, и противно бывает, и нам бывает себя жалко. Впрочем, знаете, я очень люблю анекдот про Лоуренса Оливье. Во время съемок «Отелло» его спросили: «Вам очень нравится ваш герой?» Он отмахнулся: «Да ну его, все время ноет, и мазаться приходится!» При этом сам Оливье, для того, чтобы сыграть эту роль, долгими упорнейшими занятиями добился того, чтоб у него голос снизился на октаву. Таков и наш «обезьянин», принцип, по-моему, спасительный для любого театра!

Наталия ЛУЗИК.